

«Драконы в стране длинного белого облака»: фактор китайской диаспоры в Новой Зеландии (очерк взаимодействия в мультикультурном обществе)

Илья Васильевич Олейников, ИГУ, БГУ, Иркутск, Россия

Контактный адрес: ilyavasilich@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена фактору китайской диаспоры в Новой Зеландии. Проведен обзор ключевых российских и зарубежных исследований по этой проблеме. Представлена историческая справка о китайской иммиграции в Новую Зеландию, отражена специфика формирования китайской диаспоры. Освещены тенденции деятельности китайцев в Новой Зеландии в конце XX – первых десятилетиях XXI века. Выявлены особенности встраивания китайских мигрантов в мультикультурное новозеландское общество, показана специфика их взаимодействия с коренным народом маори. Отмечено, что в Новой Зеландии происходит конфликт между китайцами, действующими как «меньшинство-посредник», и различными частями принимающего общества. Этот конфликт вызван как экономическими различиями, так и фактором культурной идентичности. Рассмотрена дискуссия о китайском влиянии, которая является важной составляющей внутренней и внешней политики Новой Зеландии. Споры о китайском воздействии через иммигрантов и диаспору влияют на позиции новозеландских политических партий. В предвыборной риторике политические силы зачастую прибегают к популизму и разыгрывают «китайскую карту», используя дискурс о китайском влиянии на внутреннюю и внешнюю политику государства. Новая Зеландия как малое государство заинтересована в торговых и инвестиционных преференциях в отношениях с Китаем, а также в формировании гарантий безопасности при сохранении мягкого внеблокового статуса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

китайская иммиграция, Китай, Новая Зеландия, китайская диаспора, новозеландские китайцы

Введение

Миграция представляет собой комплексное явление, которое проявляется как следствие процессов глобализации и фрагментации, диалектически сосуществующих в современных международных отношениях. Характер миграции во многом определяется причинами, вызывающими перемещение отдельных людей и народов: открытые границы способствуют естественному стремлению людей к лучшим условиям для жизни, в то время как политика изоляционизма приводит к возникновению миграционных волн. Миграция воздействует на экономические, политические и социальные тенденции в различных регионах и странах, в ряде случаев способствуя конструированию и переопределению национальных и личных идентичностей в ходе формирования диаспор. Воздействие фактора иммиграции применительно к Западной Европе и США ведет к росту социально-политической напряженности, а в ряде случаев, в том числе и в таком малом государстве Запада, как Новая Зеландия, приводит к активизации национализма, ксенофобии и терроризма, а также к конфликтам, влияющим на формирование новых волн миграции¹.

Действительно, Новая Зеландия не является исключением. С момента создания британской колонии на новозеландских островах на протяжении более 250 лет происходило постепенное формирование сначала бикультурного, а затем и многосоставного общества, в котором взаимодействовали автохтонный народ маори, потомки английских, ирландских и шотландских колонистов, трудовые мигранты из Индии, Юго-Восточного Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Следует проанализировать процесс китайской миграции в Новую Зеландию более детально. Будучи частью современного глобализованного мира, Новая Зеландия участвует в процессе переопределения национальной идентичности. Тенденции мультикультурализма в многонациональных обществах изучаются в рамках социально-антропологических подходов², теории нации³, теории международных отношений⁴.

На миграционную политику государств влияют внутрисполитический контекст, национальные интересы, внешнеполитический курс, трансформирующаяся международная обстановка. Применительно к Новой Зеландии темпы иммиграции были стремительны, мигрантов привлекали экономические возможности. Нехватка трудовых ресурсов в молодой британской колонии влияла на приток дешевой рабочей силы из Азии⁵.

Проблема китайской миграции в Новую Зеландию освещалась в отечественной и зарубежной историографии. Отечественные исследователи обращались к изучению вопроса эпизодически. Исторические аспекты присутствия китайцев в Новой Зеландии были рассмотрены признанным исследователем Океании

1 Дудина, Г.С., Тарасенко, П.Н. Антиисламский джихадизм. Ультраправые заявили о себе терактами в мечетях Новой Зеландии // Коммерсант, 15 марта 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3914897> (дата обращения: 14.02.2025).

2 Smith 2009.

3 Андерсон 2016.

4 Подробнее см.: Шайн, Барт 2015.

5 Bernardelli 1952, 39.

К.В. Малаховским в научно-популярной работе «Британия южных морей»¹ и в классической монографии «История Новой Зеландии»².

Ряд вопросов был проанализирован в работах представителей иркутской школы изучения Новой Зеландии и Океании. Некоторые исторические данные о начальном этапе китайской миграции в Новую Зеландию в тезисной форме представила Л.П. Савельева³. Одним из первых отечественных авторов, предметно осветивших историческую динамику китайской иммиграции в Новой Зеландии с середины XIX в. по 1980-е гг., стал С.В. Жбанов⁴. Обзор проблемы идентичности китайской диаспоры в Новой Зеландии провели И.В. Олейников и В.П. Олтаржевский⁵. Китаевед В.Я. Портяков, освещая итоги конференции по проблемам зарубежных китайцев «Поднимающиеся драконы, летящие ввысь бананы», которая прошла в 2009 г. в новозеландском Окленде, уделил внимание китайской диаспоре в Новой Зеландии⁶. Обзор развития этой диаспоры в конце XX – начале XXI вв. предприняла Е.С. Анохина⁷. Обстоятельный очерк развития китайской диаспоры в Новой Зеландии с XIX в. до середины второго десятилетия XXI в. представила Л.Г. Стефанчук⁸.

И.В. Олейников частично коснулся данной темы в третьей главе коллективной монографии «Новая Зеландия и страны Восточной Азии: взаимоотношения в сфере политики, экономики и культуры»⁹. Использование китайской диаспоры в Новой Зеландии в качестве ресурса «мягкой силы» Китая и последующего влияния на политические элиты южно-тихоокеанского государства рассмотрел В.Л. Сведенцов¹⁰.

В западной литературе проблема китайской миграции в Новую Зеландию и формирования китайской диаспоры представлена более системно. История китайцев в Новой Зеландии отражена в монографии Н.Б. Фонг¹¹. Предметная ретроспектива социальной организации китайцев в Новой Зеландии в 1866–1976 гг. содержится в статье Ч. Седжвика¹². Глубокий обзор правительственной политики и расовых отношений применительно к китайским мигрантам представила Маньин Ип¹³. Она же рассмотрела эволюцию идентичности китайских мигрантов в Новой Зеландии¹⁴, выявила специфику взаимодействия между ними и коренным народом маори¹⁵. Из исследований 2010-х гг. следует особо выделить главу «Новая китайская иммиграция в Новую Зеландию: политика, иммиграционные паттерны, мобильность и восприятие» в монографии «Современная китайская диаспора», подготовленную Лянни Лю¹⁶. В работе Э. Батчера рассматриваются

1 Малаховский 1973.

2 Малаховский 1981.

3 Савельева 1994.

4 Жбанов 1994.

5 Олейников, Олтаржевский 2008.

6 Портяков 2010.

7 Анохина 2012, 175–180.

8 Стефанчук 2014.

9 Олейников et al. 2014, 102–108.

10 Сведенцов 2022.

11 Fong 1959.

12 Sedgwick 1985.

13 Ip 2013.

14 Ip 2006.

15 Ip 2003.

16 Liu 2017, 233–259; Liu, Wu 2017.

долгосрочные вызовы, с которыми Новая Зеландия сталкивается как внутри страны, так и на международном уровне: в отношениях с государствами Азии, в том числе и с Китаем¹.

Рассматривая развитие китайской диаспоры в Новой Зеландии, можно отметить, что эта проблема в современной историографии проанализирована не в полной мере. В настоящей работе приведена историческая справка о китайских иммигрантах в Новой Зеландии, показана специфика взаимодействия волн китайской миграции с мультикультурным новозеландским обществом, отражены особенности использования китайской диаспоры в контексте внутренней и внешней политики Новой Зеландии и в отношениях между Новой Зеландией и Китаем.

В настоящей статье под китайскими мигрантами будут пониматься в основном новозеландские китайцы, появившиеся в стране в результате трех миграционных волн: 1) в XIX – начале XX вв. – в ходе трудовой миграции из южных китайских провинций; 2) в 1930-х – начале 1950-х гг. – в результате Второй мировой и гражданской войн; 3) в конце 1980-х гг. – в связи с процессами глобализации и экономического развития в Китае². Современная китайская миграция из Сянган (Гонконга), Аомынь (Макао) и Тайваня, как и из зоны «Большого Китая» (Сингапур и страны Юго-Восточной Азии), в данной статье не затрагивается, так как этот вопрос требует отдельного изучения в силу иных причин миграции, квалификационной и демографической структуры миграционного потока.

Китайская диаспора в Новой Зеландии: исторический обзор

Китайцы начали появляться в Новой Зеландии в начале 1850-х годов. Увеличения числа мигрантов из империи Цин не наблюдалось вплоть до начала разработки золотоносных месторождений в провинции Отаго в 1860-е годы. В 1867 г. в южной колонии Британии находилось 1219 китайцев, а в 1874 г. – 4816³.

Британские колонисты относились к прибывавшим китайцам негативно: «В 1857 г. в Нельсоне организовался антикитайский комитет для борьбы с “монгольскими подданными”, хотя в районе Нельсона не было тогда ни одного китайского иммигранта»⁴.

Отрицательное отношение жителей Новой Зеландии формировалось благодаря интенсивному притоку иммигрантов из цинского Китая, что можно объяснить расовыми и экономическими причинами. Сами колонисты утверждали, что ими движет «...не антипатия к китайской культуре или китайской нации, а осознание угрозы происходящего процесса для безопасности страны»⁵.

Член новозеландского парламента Р. Седдон в 1880 г. внес законопроект о запрете китайской иммиграции. Он не был принят, так как с экономической точки зрения препятствовал ввозу дешевых трудовых ресурсов, в которых

1 Butcher, 2010.

2 Олейников et al. 2014, 104–144; Сведенцов 2022, 76.

3 Малаховский 1981, 84.

4 Малаховский 1973, 72.

5 Ibid.

нуждалась стремительно развивающаяся новозеландская промышленность. Законы об ограничении китайской иммиграции становились все жестче. В 1881 г. был введен закон о «подушном налоге». В 1882 г. из-за истощения золотосодержащих провинций китайцы прекратили добывать золото в Новой Зеландии¹. В изменившейся ситуации выходцы из Китая стали заниматься огородничеством и садоводством, мелкой торговлей, стиркой белья. В стране насчитывалось «200 китайских прачечных и 200 бакалейных лавок»².

В 1889 г. парламент Новой Зеландии ввел закон об ограничении иммиграции в отношении как китайцев, так и прочих азиатов³. С 1907 г. китайцы, приезжающие в Новую Зеландию, должны были проходить специальное языковое тестирование на способность читать по-английски. В 1920 г. новозеландским правительством был принят акт об ограничении иммиграции, согласно которому для въезда в страну требовалось получить письменное разрешение. Однако новый закон отменил ограничения в виде языкового тестирования для китайских иммигрантов, оставив без изменения размер въездной пошлины в 100 фунтов. В 1935 г. были введены меры по ограничению въезда иммигрантов из Китая в рамках «воссоединения семей» – не более десяти человек в год. Вследствие этого изменилась интенсивность китайской иммиграции. Схожие тенденции проявлялись и на пятом континенте, где была провозглашена политика «белой Австралии»⁴. Столь жесткий подход в отношении азиатской миграции был связан с воздействием общего дискурса «желтой угрозы», который стремительно распространялся по Европе и проникал в колонии и доминионы Британии, к которым относилась и Новая Зеландия.

Китайская диаспора в Новой Зеландии до Второй мировой войны была представлена преимущественно мужчинами. Их семьи оставались в Китае, поэтому в качестве причины для запрещения дальнейшего въезда в страну выдвигалось обвинение этих мужчин в «аморальном» поведении⁵. Чтобы легче закрепиться в Новой Зеландии, некоторые из них женились на маорийках⁶.

Только в феврале 2002 г. на праздновании Нового года по китайскому календарю премьер-министр Новой Зеландии Х. Кларк официально принесла извинения представителям китайской общины, платившим подушевой налог и подвергавшимся гонениям и дискриминации⁷.

По состоянию на 2025 г. в Новой Зеландии действует Общество новозеландско-китайской дружбы, поддерживающее контакты с Китаем⁸. В 1934 г. для гармонизации и единства китайской диаспоры в Новой Зеландии, нивелирования столкновений между ее частями, отстаивания прав и свобод китайские сообщества и организации сформировали Ассоциацию новозеландских китайцев. Борьба Китая с Японией во время Второй мировой войны оказала влияние на

1 Малаховский 1973, 73; Жбанов 1994; Стефанчук 2014.

2 Стефанчук 2014, 109.

3 Ковалева et al. 2013.

4 Пузыня 2009.

5 Малаховский 1981, 86.

6 Ip 2003.

7 Helen Clark, "Address to Chinese New Year Celebrations," The New Zealand Government, February 12, 2002, accessed April 17, 2025, <https://www.beehive.govt.nz/speech/address-chinese-new-year-celebrations>; Попряков 2010, 166.

8 "New Zealand – China Friendship Society," accessed April 20, 2025, <https://nzchinasociety.org.nz/>.

отношение к китайской диаспоре среди европейской части новозеландского общества.

После начала японо-китайской войны в 1937 г. жены и дети китайцев, работавших в Новой Зеландии, получили право въезда и постоянного пребывания на территории государства в качестве беженцев. Предполагалось, что они возвратятся в Китай после установления мира¹. В 1944 г. для китайцев, прибывающих в Новую Зеландию, была отменена въездная пошлина. В 1947 г. были введены более мягкие требования к проживанию китайцев в Новой Зеландии, которые не рассматривались как элемент «желтой угрозы». Право постоянного пребывания было дано тем китайцам, чьи жены и дети прибыли в Новую Зеландию после 1937 г., а также тем, кто родился в Новой Зеландии или, будучи студентом, прожил в стране более пяти лет.

Провозглашение Китайской Народной Республики в октябре 1949 г. после длительной гражданской войны сделало возвращение в Китай невозможным для большей части новозеландских китайцев. Произошел разрыв связей китайской диаспоры с родиной, в том числе и из-за фактора холодной войны. Китайцы были вынуждены активно встраиваться в принимающее общество Новой Зеландии и постепенно формировать классические «предпринимательские меньшинства», аналогичные тем, которые появлялись в государствах Арабского Востока и Тропической Африки².

Китайцы в Новой Зеландии: тенденции конца XX – первых десятилетий XXI века

Следует рассмотреть проблему идентичности диаспоры новозеландских китайцев и проанализировать различия между поколениями иммигрантов из Китая, а также охарактеризовать их постепенное встраивание в общество Новой Зеландии, в котором развиваются тенденции мультикультурализма.

Еще в начале 1970-х гг. в Новой Зеландии началось обсуждение вопроса о трансформации миграционной политики в отношении выходцев из Азии. К этому подталкивали изменения на международной арене, связанные со сближением США и Китая, а также последствия экономического кризиса, распространявшиеся в странах Запада, к которым относилась и Новая Зеландия. 22 декабря 1972 г. были установлены дипломатические отношения между Новой Зеландией и Китаем³. Премьер-министр Новой Зеландии Н. Кирк, отметил, что Китай входит в основной поток мировой политики, играет важную роль в ООН, а его влияние в Азии и странах Тихого океана велико и будет возрастать, поэтому для Новой Зеландии логично и благоразумно признать Китайскую Народную Республику и установить с ней полноценные дипломатические отношения⁴. Впоследствии на фоне качественного улучшения отношений между государствами новозеландский премьер-министр заявил об активизации восточноазиатского и тихоокеанского направления внешней политики и предложил разработать новый

1 Roy 1966, 38.

2 Подробнее см.: Дятлов 1996.

3 Scott 1991, 250.

4 Ibid., 251.

подход к миграции с учетом профессиональных качеств иммигранта, а не его расы и цвета кожи.

В 1986 г. политика в отношении миграции была пересмотрена: был отменен приоритет для Британии, традиционного источника мигрантов. Миграционная политика отныне выстраивалась на основе либеральных принципов: меритократии и отказа от какой-либо дискриминации на основе расового, национального или этнического происхождения¹. Поощрялся приток в страну квалифицированных специалистов, бизнесменов. Иммиграция рассматривалась как инструмент для привлечения инвестиций из стран Азии и обеспечения экономического роста. Вследствие этого количество мигрантов из Китая в Новую Зеландию стало постепенно увеличиваться. Е.С. Анохина отмечает, что «за период 1991–1996 гг. количество этнических китайцев в Новой Зеландии выросло с 44,7 тыс. до 81,3 тыс. человек. В 1996 г. порог для иммиграции был повышен, однако это не остановило рост китайского населения страны, к 2006 г. его численность превысила уже 147,5 тыс. человек»².

В начале 1990-х гг. в Новую Зеландию прибывали в основном выходцы из Сянган (Гонконга) и Тайваня (в том числе и из-за опасений в связи с грядущим присоединением Гонконга к Китаю). К концу 1990-х гг. приток иммигрантов из Китая возрос. В условиях холодной войны границы Китая были закрыты вплоть до начала политики реформ и открытости внешнему миру в конце 1970-х годов. Правительство Китая стало отправлять исследователей, специалистов и студентов за границу, ожидая, что после получения необходимых навыков они возвратятся в страну.

В начале 2000-х гг. было реализовано очередное изменение иммиграционной политики Новой Зеландии – произошел резкий рост численности иммигрантов из Китая, в том числе благодаря улучшению экономического благосостояния этнических китайцев. В дальнейшем происходили колебания численности китайских иммигрантов в силу изменения иммиграционных правил и введения новых требований к квалификации мигрантов, а также особых программ для инвесторов и представителей бизнеса.

Важной частью китайской диаспоры в стране являются молодые люди, прибывшие в Новую Зеландию из Китая по студенческим визам, чтобы получить образование. «Китайские студенты для Новой Зеландии являются важнейшим источником иностранных обучающихся»³ – они стремятся получить «западный диплом», который будет котироваться на китайском рынке труда так же, как приобретенный опыт и расширенный кругозор⁴. Присутствует и возвратная миграция в Китай: рынок труда и возможности для развития бизнеса в малом государстве Запада по сравнению с Китаем ограничены, сказывается и «предоставление властями КНР хороших материальных условий и карьерных возможностей возвращающимся из-за границы ученым и выпускникам вузов»⁵. Китайские студенты, получив образование, возвращаются на родину для помощи пожилым

1 Liu 2017, 233.

2 Анохина 2012, 179.

3 "China. 2025," New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade, 2025, accessed March 22, 2025, <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/asia/china#bookmark3>.

4 Liu 2017, 242.

5 Портяков 2010, 168.

родителям. Среди групп, из которых состоит китайская диаспора, следует выделить «киви-китайцев» – потомков первой волны мигрантов из империи Цин XIX в., проживающих в аграрных районах страны. Основные виды занятости – садоводство, торговля, рестораны с китайской кухней. Отмечается, что «киви-китайцы» родом из традиционных семей, мигрируя, пользовались семейной поддержкой, займами, помощью в изучении новых навыков»¹. Новозеландские «киви-китайцы» иронично называют себя бананами («желтые снаружи, белые внутри»), что иллюстрирует проблему конструирования идентичности потомков иммигрантов в новозеландском обществе². О «киви-китайцах» в настоящее время публикуются материалы, фотографии и воспоминания в цифровых библиотеках Новой Зеландии³. Эта группа китайской диаспоры имеет преимущество в виде развитых социальных связей и контактов.

Китайские иммигранты конца 1990-х гг. – первых десятилетий XXI в. – это выходцы из мегаполисов: Пекина, Шанхая, Чжэнчжоу, Сианя и Тяньцзиня. Представители волн миграции конца 1980-х – 1990-х гг. численно превосходят «киви-китайцев» и сконцентрированы в районах Окленда и Крайстчерча на более теплом Северном острове. Процесс встраивания в принимающее новозеландское общество проходил для них стремительно, этому способствовали хорошее образование, опыт городской жизни, финансовая стабильность и навыки, благодаря которым они смогли оказаться на территории Новой Зеландии. К тому времени иммиграционная политика государства была направлена на привлечение молодых профессионалов. Прибытие новой волны иммигрантов из Китая оказало влияние на структуру китайской диаспоры в стране. «Новые» китайские мигранты приезжают на новозеландские острова уже не в силу экономических причин, а в поиске более комфортного образа жизни, «зеленых пейзажей», качественного образования и здравоохранения, а уровень требований для въезда в страну и затраты на проживание ниже, чем в США, Канаде и Австралии⁴. Между собой представители различных волн китайской миграции общаются на английском языке – ведь потомки первых выходцев из южных провинций Китая говорят на кантонском диалекте, а представители недавних волн китайской миграции используют в общении между собой северокайский диалект.

Е.С. Анохина⁵ и Лянни Лю⁶ обращают внимание на феномен миграции в Новую Зеландию как форму статусного потребления для состоятельных китайцев⁷, которые стремятся защитить свой капитал, дать качественное образование детям, иметь доступ к незагрязненному воздуху и экологичным продуктам питания – происходит конвертация экономических ресурсов в социальный статус и престиж.

Среди китайских мигрантов становится больше женщин, в то время как мужчины средних лет активно действуют на рынке труда, реализуют бизнес-

1 Олейников, Олтаржевский 2008, 196.

2 Beattie 2007, 48.

3 "Chinese New Zealanders: Introduction," DigitalNZ, accessed April 10, 2025, <https://digitalnz.org/stories/6328fb-33764f44002e2ef959>; "Chinese New Zealanders – a Dynamic History," National Library of New Zealand, 2024, accessed April 10, 2025, <https://natlib.govt.nz/blog/posts/chinese-new-zealanders-a-dynamic-history>.

4 Liu 2017, 241.

5 Анохина 2012, 180.

6 Liu 2017, 242.

7 В этом контексте применяется термин *тайкунжень* – от английского *tycoon* (магнат) и китайского *ren* (человек).

интересы в странах Юго-Восточной Азии, проживая в Новой Зеландии¹. Многие китайцы, прибывающие в страну, получив образование и опыт работы, впоследствии стараются перебраться в Австралию – этому способствуют тесные двусторонние отношения государств и достигнутый уровень интеграции, в том числе в области иммиграционного законодательства. В частности, между этими государствами действует взаимный безвизовый режим.

Этнические китайцы в Новой Зеландии в настоящее время занимают должности специалистов, менеджеров, инженерно-технических рабочих, административных сотрудников, водителей и операторов машин, продавцов и неквалифицированных рабочих². В отраслевой структуре занятости доминируют образовательные, медицинские, транспортные, коммуникационные и финансовые услуги, сферы недвижимости, производства, общественного питания и гостиничного бизнеса³. В рамках неоплачиваемой деятельности в домашних хозяйствах они занимаются работой по дому, приготовлением еды, садоводством, ухаживают за детьми, пожилыми и больными родственниками.

Трансформация новозеландской иммиграционной политики привела к изменению отношения к китайской диаспоре, ведь правительство «страны большого белого облака» планировало развивать более тесные связи с экономиками стран Восточной Азии, а использование социальных и деловых связей могло способствовать развитию интеграции по коммуникативному сценарию.

Таким образом, диаспора новозеландских китайцев фрагментирована, но китайская культура и цивилизационные традиции и практики продолжают воздействовать на ее членов. Многие из молодых китайцев пытаются восстановить связи с Китаем, изучая китайский язык и регулярно посещая эту страну.

Во второй половине XX в. новозеландские китайцы пытались получить социально защищенные специальности врача, юриста, инженера или архитектора. В первые десятилетия XXI в. часть китайской молодежи стала интересоваться творческими специальностями, становясь артистами, музыкантами, писателями, поэтами и блогерами. Эта тенденция вполне соотносится с выводами философа З. Баумана о том, что современный мир является текучим и жесткая, твердая идентичность паломника, характерная для эпох традиционного общества и модерна, в период постмодерна сменяется более актуальными и выгодными жизненными стратегиями игроков, туристов и «бродяг» – значение имеют не «жесткие», а «мягкие» навыки, более характерные для сферы услуг⁴.

Китайская диаспора в мультикультурном обществе Новой Зеландии

Китайские иммигранты, взаимодействуя с новозеландским обществом, преодолели период отчуждения конца XIX – начала XX вв., вызванного негативными настроениями властей Новой Зеландии. Развиваются экономиче-

1 Анохина 2012, 180.

2 "Chinese Not Further Defined," Stats NZ, accessed April 20, 2025, <https://tools.summaries.stats.govt.nz/ethnic-group/chinese-not-further-defined#2009>.

3 Анохина 2012, 179.

4 Бауман 1995.

ские отношения между Китаем и Новой Зеландией, китайцы становятся частью мультикультурного новозеландского общества.

В новозеландском обществе мультикультурализм начал развиваться под воздействием процессов глобализации в 1980-х годах. Однако мультикультурное общество островного государства не в полной мере толерантно по отношению к азиатским иммигрантам, в том числе и из Китая. Новозеландское общество первоначально было бикультурным и состояло из потомков британских колонистов и коренного населения – маори. Новые мигранты из Китая прохладно воспринимаются новозеландским обществом и медиасредой, как и их предшественники в XIX веке. С недоверием к китайцам относятся и представители коренного населения островов – маори. Статус маори в Новой Зеландии был признан в 1980-е гг., в то время как новые группы мигрантов (в том числе и китайцы) продолжают оставаться в положении «классических иностранцев». Однако маори полагают, что реализация «политики открытых дверей», благодаря которой китайцы и представители прочих национальностей оказались в Новой Зеландии, проводилась без должных консультаций с ними¹. Лянни Лю подчеркивает: «Среди маори популярно представление о том, что китайская иммиграция может поставить под угрозу их борьбу за восстановление своего престижа и суверенитет»². Вновь прибывшие иммигранты из Китая воспринимаются маори как конкуренты за рабочие места и культурная угроза, сказывается фактор ресентимента³, так как новозеландские китайцы, как правило, состоятельны (значение имеет не только феномен «тайкунжень», но и трудолюбие китайцев, которое улучшает их положение в обществе), что вызывает недовольство коренных жителей – маори. Китайцы, в свою очередь, полагают, что статус маори в Новой Зеландии предоставляет им много привилегий, маори зависят от социальной поддержки и ассоциируются с криминалом. Таким образом, происходит транзит бикультурного общества в мультикультурное, в котором бикультурная составляющая встраивается в мультикультурную рамку.

Китайское влияние как фактор внутренней политики Новой Зеландии

Присутствует и фактор политизации китайской иммиграции, становящийся элементом борьбы новозеландских политических партий. Так, новозеландский политик маорийско-шотландского происхождения У. Питерс использовал антикитайскую повестку в своей популистской предвыборной стратегии на парламентских выборах 1996 г., а поддержка националистической партии «Новая Зеландия прежде всего» благодаря такой риторике выросла с 3% в феврале до 28% в июле 1996 года. В рамках предвыборной кампании использовался следующий слоган: «Иммигранты – это незванные гости из чуждой культуры, которые толкают маори на самое дно»⁴. Он описывал маори как народ, в наибольшей степени страдавший в экономическом и образовательном плане, в то время как мигранты

1 Liu 2017, 251.

2 Ibid.

3 Ip 2003, 247.

4 Ibid., 244.

из Азии занимали места коренных жителей на рынке труда и в университетах. Отмечалось, что в иммиграционной игре проиграли именно маори, а также нетрудоустроенные пакеха¹, маргинализированные в своей стране. Маори полагают, что иммигранты не только высасывают экономические ресурсы, но и угрожают позициям аборигенов в обществе и политике Новой Зеландии².

Любопытно, что лозунги новозеландских популистов очень созвучны тенденциям, распространенным во втором и третьем десятилетиях XXI в. на другом берегу Тихого океана – в США. Так, И. Крастев и С. Холмс отмечают, что «страх перед “кражей рабочих мест” – прекрасный материал для популистских спекуляций, поскольку в нем воедино сплавляются страх перед иностранным вторжением и страх перед иностранной конкуренцией. Возможный рост числа претендентов на сокращающееся количество рабочих мест, естественно, беспокоит тех, чьи шансы на трудоустройство со временем снижаются. Однако паника перед иммиграцией имеет более глубокие корни, чем страх потерять работу и статус. Это касается потери идентичности»³. Исследователи добавляют: «Антииммигрантская политика очень эмоциональна, поскольку массовая иммиграция, реальная или вымышленная, угрожает смыть последние остатки воображаемого сообщества, и без того исторически достаточно лоскутного. Наш анализ предполагает, что идентичность наиболее ярко проявляется в чувствах, вызванных ощущениями чуждости и принадлежности. <...> Идентичность провоцирует клановые антагонизмы и даже смертельно опасные социальные конфликты только тогда, когда одна принадлежность, как правило к религиозной или этнической группе, играет такую важную роль в самосознании человека, что затмевает все иные, соперничающие с ней принадлежности. Трайбализм и фундаментализм являются такими эффективными политическими мобилизаторами постольку, поскольку на основе категорически одномерного различия между “ними” и “нами” они определяют, “кто мы такие”. В условиях экономического стресса или быстрых и непредсказуемых социальных изменений влияние этого различия на мотивацию человека возрастает»⁴.

Часть новозеландских китайцев, столкнувшись с националистическими тенденциями в рамках «антиазиатской кампании» 1996 г., начала покидать Новую Зеландию. Некоторые представители китайской диаспоры стали взаимодействовать с маори и в том числе с их старейшинами, впоследствии распространяя знания о народе среди новых представителей китайской иммиграции, в частности о «договоре Вайтанги», который был переведен и включен в специальное пособие, распространявшееся по китайским домовладениям в стране⁵.

Антикитайские настроения в новозеландском обществе вызваны демографическим фактором (*Таблица 1*): китайцы представляют собой четвертую по численности (после новозеландских европейцев, маори и выходцев с островов Океании) и быстрорастущую группу населения – 259,8 тыс. человек согласно

1 Пакеха – жители Новой Зеландии европейского происхождения.

2 *Ibid.* 2003, 245.

3 Крастев, Холмс 2020, 258.

4 *Ibid.*, 260.

5 *Ibid.* 2003, 247.

переписи населения 2023 года¹. Их средний возраст составляет 36,2 года, а проживают они в основном в Окленде, Веллингтоне, Уаикато, Кентерберри и Отаго². По месту рождения проживающих в стране китайцев доминируют государства Азии (68,8%), а на Новую Зеландию приходится 28,2%. Медианный персональный доход взрослого населения составляет 34,4 тыс. новозеландских долл. (41,5 тыс. новозеландских долл. для всего населения Новой Зеландии)³.

Таблица 1.

**ДОЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ: КИТАЙЦЫ
БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ГРУППЫ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ,
ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ (2013–2023), %**

**SHARE OF POPULATION BY AGE:
'CHINESE NOT FURTHER DEFINED' AND ETHNIC GROUPS
OF THE ENTIRE NEW ZEALAND'S POPULATION,
BASED ON CENSUSES (2013–2023), %**

Возрастная группа	Китайцы без дополнительного определения происхождения			Все население Новой Зеландии		
	2013	2018	2023	2013	2018	2023
до 15 лет	18,6	19,9	20	20,4	19,6	18,7
15–29 лет	28	24,7	18,9	19,9	20,5	19,4
30–64 года	44,7	46,1	48,8	45,4	44,6	45,3
65 лет и старше	8,6	9,4	12,2	14,3	15,2	16,6

Источник: составлено автором на основе данных с официального сайта Stats NZ, www.stats.govt.nz.

Постепенно представители китайской диаспоры начинают избираться в новозеландский парламент. Так, П. Вонг, член Национальной партии Новой Зеландии, в 1996–2011 гг. была первым представителем новозеландского правительства с китайскими корнями, занимая должности министра по делам национальностей и министра по делам женщин⁴. Однако ее карьера в правительстве завершилась обвинениями в коррупции: заявлялось, что она использовала официальный статус министра для содействия бизнес-интересам своего мужа в Китае. Адрес избирательного штаба П. Вонг был использован им в качестве юридического адреса коммерческих предприятий.

Примечательно, что во время парламентских выборов 2023 г. были опубликованы результаты исследования, согласно которому избиратели из числа этнических китайцев голосуют в основном за Национальную партию (70,9%), 13,4% поддерживают партию ACT New Zealand, 12,5% голосуют за Лейбористскую партию, а партии «зеленых» отдают предпочтение 1,4% избирателей⁵. Среди проблем, которые беспокоят новозеландских китайцев, следует выделить рост стоимости жизни, вопросы соблюдения закона и порядка, темпы экономического роста, расовое равенство, здравоохранение. К примеру, Д. Чен, родившаяся в Новой Зеландии ки-

1 "Chinese Not Further Defined," Stats NZ, accessed April 20, 2025, <https://tools.summaries.stats.govt.nz/ethnic-group/chinese-not-further-defined#2009>.
2 Ibid.
3 Ibid.
4 Butcher 2010, 145.
5 Liu Chen, "Opinion Polls Help Chinese Voters Engage in the Political Process," Radio New Zealand, March 21, 2023, accessed April 22, 2025, <https://www.rnz.co.nz/news/chinese/498430/opinion-polls-help-chinese-voters-engage-in-the-political-process>.

таянка и мать трехлетнего сына, обеспокоена проблемами роста стоимости жизни и образования: ее сын в течение восьми месяцев ожидал место в детском саду¹. Таким образом, привычный для жителей России имидж тихой и пасторальной Новой Зеландии размывается при более пристальном рассмотрении.

Из вышесказанного следует, что новозеландские китайцы постепенно и в результате длительных изменений стали играть роль «меньшинства-посредника» – предпринимателей, выполняющих роль посредников между доминирующей и подчиненной группами². Они, как правило, взаимодействуют с расовыми и этническими группами, отделенными от группы большинства, надеясь со временем вернуться в страну происхождения. Благодаря своему переселенческому статусу и прочным внутrigрупповым связям меньшинства-посредники получают конкурентное преимущество в бизнесе, предприниматели минимизируют расходы на рабочую силу, используя членов семьи и этнических рабочих, которые интенсивно трудятся за незначительную заработную плату. Таким образом, «меньшинство-посредник» постепенно начинает занимать все более значимое положение в экономике. Происходит конфликт между различными частями принимающего общества, вызванный преимущественно экономическими, а не расово-культурными различиями, что видно на примере Новой Зеландии конца XIX – начала XX вв., когда конфликт разгорался по линии «англоновозеландцы – китайцы», а сто лет спустя новый виток межэтнических трений на экономической почве наблюдается уже между автохтонным народом маори и представителями китайской иммиграции и диаспоры. Конфликт идентичностей, описанный И. Крастевым и С. Холмсом, дополняют экономические опасения, в принимающем обществе конструируется образ угрозы, исходящей от представителей китайской диаспоры и иммигрантов, и соответствующий дискурс начинают использовать политические силы. Демографические изменения на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. способствуют трансформации публичной политики Новой Зеландии, активизировалось использование антииммигрантской риторики, с помощью которой политическая партия «Новая Зеландия прежде всего» пыталась получить больше мест в парламенте. Возникают сложности в традиционных бикультурных отношениях: в уже сложившееся взаимодействие по линии «пакеха – маори» вмешиваются интересы диаспоры новозеландских китайцев, формируя новые проблемы при обсуждении национальной идентичности.

Китайская диаспора как фактор внешней политики Новой Зеландии

Новая Зеландия – классический пример «малого государства», балансирующего между интересами великих держав³. Китайская Народная Республика – важнейший торговый партнер островного государства, поэтому вполне естественно, что новозеландское правительство подключается к реализации китайских торго-

1 Liu Chen, Tom Blessey, "Asian Voters Highlight the Cost of Living and Crime as Top Election Concerns," Radio New Zealand, August 28, 2023, accessed April 22, 2025, <https://www.rnz.co.nz/news/chinese/496588/asian-voters-highlight-the-cost-of-living-and-crime-as-top-election-concerns>.

2 Bonacich 1973.

3 Нечаева 2023.

во-экономических предложений, в частности инициативы «Пояса и пути». С другой стороны, Новая Зеландия является частью западного мира, взаимодействуя в области торговли и безопасности с Австралией, Британией и США.

Еще перед проведением летних Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. китайское правительство побуждало граждан за рубежом выступить в поддержку эстафеты олимпийского огня. Однако в странах Запада она периодически сталкивалась с протестами и демонстрациями в связи с нарушениями прав человека китайскими властями. Примечательно, что и в новозеландских Окленде и Веллингтоне проходили выступления против эстафеты, хотя олимпийский огонь не прибывал на территорию страны. Китайская диаспора провела в городах контрпротесты, оперативно реагируя на критику внутренних проблем страны¹.

В.Л. Сведенцов, анализируя опубликованный в 2019 г. доклад «Китай и эпоха стратегического соперничества», отметил: «Пекин поставил под свой контроль китаеязычные СМИ, китайскую общину и этнических китайских политиков в Новой Зеландии. Более того, авторы документа утверждают, что Китай путем слияний и поглощений различных компаний и налаживания партнерских связей между китайскими и новозеландскими организациями получил доступ к военным технологиям, коммерческим секретам и другой стратегической информации»². Далее автор отмечает, что алармистский доклад, подготовленный в Канаде, не вызвал особой тревоги среди экономической элиты³. Представляется, что фактор китайской финансовой помощи через представителей диаспоры в Новой Зеландии является элементом предвыборной риторики, используемой Лейбористской и Национальной партиями островного государства. Так, депутата новозеландского парламента Т. Макклея, поддерживавшего официальную позицию китайских властей по чувствительной уйгурской проблеме, обвинили в получении 100 тыс. долл. от китайского бизнесмена при посредничестве иностранной компании, зарегистрированной в Новой Зеландии⁴, а депутат от Национальной партии обвинялся в сотрудничестве с китайской разведкой. Ряд обвинений в продвижении интересов Китая был сделан новозеландской прессой и в отношении депутатов от Лейбористской партии. В декабре 2019 г. новозеландский парламент принял закон, запрещающий иностранное вмешательство во внутренние дела, спонсорская помощь политическим партиям и кандидатам из-за рубежа была ограничена 50 новозеландскими долларами.

Однако исполнительный директор Новозеландско-китайского совета С. Джакоби еще в 2018 г. иронично отметил: «...Некоторые комментаторы полагают, что китайское правительство активно ищет возможности, чтобы подорвать демократию Новой Зеландии и право новозеландцев свободно выражать свои взгляды. Шпионаж, сети интриг, использование мест на фермах, которыми владеют китайцы, для развития систем ракетного вооружения являются частью предлагаемого коктейля»⁵. Далее автор подчеркивает, что некоторые заметные члены китайского сообщества в Новой Зеландии сталкиваются с серьезной критикой их

1 Butcher 2010, 147.

2 Сведенцов 2022, 93.

3 Ibid., 95.

4 Ibid., 96.

5 Jacobi 2018, 21.

прошлых и настоящих связей с китайским правительством и Коммунистической партией Китая. Сети китайского сообщества описываются в прессе как канал для китайских представителей, стремящихся продвигать позитивный имидж Китая, разрушать систему принятия решений на местном уровне, финансировать новозеландские политические партии¹. Схожие дискуссии о «китайском следе» шли в конце второго десятилетия XXI в. и в Австралии, но новозеландская политическая культура иная: государство не является военным союзником США и поэтому реализует иные внешнеполитические установки, направленные на сотрудничество с мощным восточноазиатским партнером.

Еще одна проблема – экономическое усиление Китая в Новой Зеландии. Так, китайский бизнес в 2010 г. проявил интерес к покупке молочного предприятия *Crafar Farms* – по этому вопросу премьер-министр Новой Зеландии Д. Ки выразил опасения, что новозеландцы могут стать «арендаторами на собственной земле», и распорядился пересмотреть правила иностранных инвестиций². Управление по зарубежным инвестициям Новой Зеландии в итоге отказалось одобрить сделку по продаже *Crafar Farms* китайским инвесторам. Однако, как справедливо отмечает Э. Батчер, ирония этих споров заключается в том, что в сельскохозяйственном секторе Новой Зеландии присутствуют значительные американские и австралийские инвестиции, но активная медийная и политическая дискуссия по этому вопросу в стране не велась³. Таким образом, происходит игнорирование китайских инвестиционных интересов в Новой Зеландии при активизации торговли товарами и услугами в рамках двустороннего Соглашения о свободной торговле 2008 года.

В последнее время также ведется дискуссия о вовлечении китайских общин в Новой Зеландии в деятельность китайской разведки на территории страны и против нее – соответствующие данные содержатся в отчете Службы безопасности и разведки Новой Зеландии (NZSIS)⁴. По данным новозеландской спецслужбы, враждебная деятельность осуществляется посредством кибершпионажа, онлайн-пропаганды и дезинформации, однако ведомство подчеркивает, что следует проводить различие между китайским государством и жителями Новой Зеландии китайского происхождения.

В политических кругах Новой Зеландии используется дискурс о «китайском влиянии» как элемент внутривнутриполитической борьбы и ситуативного внешнеполитического позиционирования. Представляется, что алармистские заявления в новозеландской прессе по отношению к китайской диаспоре и иммигрантам имеют как внутренних, так и внешних адресатов. Внешними адресатами являются государства Запада (бывшая метрополия Британия и США), а также собственно Китай – с помощью использования жесткой риторики Новая Зеландия пытается реализовать свои внешнеполитические интересы в Океании и защитить

1 Jacobi 2018, 22.

2 Bernard Hickey, "Opinion: Why 'Save Our Farms' Is a Myopic and Xenophobic Campaign That Needs Debating," Interest, August 24, 2010, accessed April 25, 2025, <https://www.interest.co.nz/opinion/50451/opinion-why-save-our-farms-myopic-and-xenophobic-campaign-needs-debating>.

3 Butcher 2010, 148.

4 Alexander Martin, "New Zealand Intelligence Report Accuses China of Cyber-Enabled Interference," The Record, August 11, 2023, accessed April 27, 2025, <https://therecord.media/new-zealand-report-china-interference-cyber-intelligence>.

торгово-экономические интересы своих корпораций на китайском рынке. Новая Зеландия балансирует между интересами великих держав. Лозунг «торговля – это наша кровь!» сохраняет актуальность, и торгово-экономические связи с Китаем являются значимыми для малого государства.

Заключение

С середины XIX в. китайская диаспора является важным элементом внутренней и внешней политики Новой Зеландии – вначале коронной колонии, доминиона Британии, а впоследствии независимого государства. Китайцы в Аотеароа («стране длинного белого облака») прошли долгий и сложный путь встраивания в принимающее общество: против них работал дискурс о «желтой угрозе», разделявшийся «просвещенными» государствами Запада, долгое время они находились на второстепенных ролях, занимаясь мелкой торговлей и сельскохозяйственной деятельностью, и не принимали активного участия в политической и культурной жизни страны. Представляет интерес специфика взаимодействия китайцев и маори, полагающих, что выходцы из Азии не только являются конкурентами за рабочие места, но и размывают исходную идентичность, поскольку являются проводниками иной культуры, нехарактерной для островного государства. Происходит конфликт между «меньшинством-посредником», в качестве которого выступают китайцы, и автохтонным населением островного государства, что приводит к напряжению на национальной почве, которое сдерживается политикой мультикультурализма, реализуемой на государственном уровне.

Осторожная позиция Новой Зеландии по отношению к возможному китайскому влиянию вызвана позитивной динамикой торговых связей с Китаем, наличием комплексной экономической взаимозависимости¹. В то же время усиление Китая в Океании, традиционной и жизненно важной сфере интересов Новой Зеландии, вызывает необходимость нежесткого блокирования с традиционными партнерами на Западе: прежде всего с бывшей метрополией Британией и США. Таким образом, регулярное использование «китайской карты», включающее дискурс о влиянии китайской иммиграции и китайской диаспоры, является важным фактором внутривнутриполитической и внешнеполитической жизни Новой Зеландии, который применяется экономической и политической элитой малого государства как для предвыборной риторики и борьбы, в рамках которых активно используются популистские лозунги, так и для получения преференций в торговле и инвестиционном сотрудничестве с Китаем, а также для формирования гарантий безопасности при сохранении мягкого внеблокового статуса островного государства.

1 McKinnon 2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016 [In Russian].
- Анохина, Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томск: ТГУ, 2012.
- Anokhina, Elena S. «Novaya» kitaiskaya migratsiya i politika KNR po ee regulirovaniyu. Tomsk: TGU, 2012 [In Russian].
- Бауман, З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
- Bauman, Zygmunt. "From Pilgrim to Tourist." *Sociologic Journal*, no. 4 (1995): 133–154 [In Russian].
- Дятлов, В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: Наталис, 1996.
- Dyatlov, Victor I. *Predprinimatel'skie men'shinstva: torgashi, chuzhaki ili poslannye Bogom? Simbioz, konflikt, integratsiya v stranakh Arabskogo Vostoka i Tropicheskoi Afriki*. Moscow: Natalis, 1996 [In Russian].
- Жбанов, С.В. Китайская иммиграция в Новую Зеландию // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6–8 октября 1994 г. Иркутск: ИГУ, 1994. С. 69–72.
- Zhbanov, Sergey V. "Kitaiskaya immigratsiya v Novuyu Zelandiyu." In *Diapory v istoricheskom vremeni i prostranstve. Natsional'naya situatsiya v Vostochnoi Sibiri. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 6–8 oktyabrya 1994 goda*, 69–72. Irkutsk: IGU, 1994 [In Russian].
- Ковалева, Т.А., Нестеркин, В.Д., Нечаев, В.С., Линдер, В.И., Панов, С.В., Степанова, П.М., Звезгинцева, И.А. Новая Зеландия // Осипов, Ю.С. (гл. ред.) Большая российская энциклопедия. Том 23. Николай Кузанский – Океан. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2013. С. 113–127.
- Kovalyova, Tatyana A., Viktor D. Nestyorkin, Vasily S. Nechayev, Vladimir I. Linder, Sergey V. Panov and Irina A. Zvegintseva. "New Zealand." In *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. Tom 23. Nikolai Kuzanskii – Okean*, edited by Yuri S. Osipov, 113–127. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2013 [In Russian].
- Крастев, И., Холмс, С. Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Krastev, Ivan, and Stephen Holmes. *The Light that Failed: A Reckoning*. Moscow: Alpina Publisher, 2020 [In Russian].
- Малаховский, К.В. Британия южных морей. М.: Наука, 1973.
- Malakhovsky, Kim V. *Britaniya yuzhnykh morei*. Moscow: Nauka, 1973 [In Russian].
- Малаховский, К.В. История Новой Зеландии. М.: Наука, 1981.
- Malakhovsky, Kim V. *Istoriya Novoi Zelandii*. Moscow: Nauka Press, 1981 [In Russian].
- Нечаева, В.С. Внешнеполитические установки партий Новой Зеландии сквозь призму концепции «малого государства» // Клио-2022: Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Иркутск, 24–25 ноября 2022 г. / науч. ред. Е.А. Матвеева. Иркутск: ИГУ, 2023. С. 214–218.
- Nechaeva, Valentina S. "Vneshnepoliticheskie ustanovki partii Novoi Zelandii skvoz' prizmu kontseptsii «malogo gosudarstva»." In *Klio-2022: Materialy Vserossiyskoi ezhegodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Irkutsk, 24–25 noyabrya 2022 goda*, edited by Elizaveta A. Matveeva, 214–218. Irkutsk: IGU, 2023 [In Russian].
- Олейников, И.В., Пузыня, Н.Н., Сучкова, А.А. Новая Зеландия и страны Восточной Азии: взаимоотношения в сфере политики, экономики и культуры. Иркутск: Издательство ИГУ, 2014.
- Oleynikov, Ilya V., Nikolay N. Puzynya, and Anna A. Suchkova. *Novaya Zelandiya i strany Vostochnoi Azii: vzaimootnosheniya v sfere politiki, ekonomiki i kultury*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 2014 [In Russian].
- Олейников, И.В., Олтаржевский, В.П. Проблема культурной идентичности китайской диаспоры в Новой Зеландии // Вестник Иркутского университета. Специальный выпуск. 2008. С. 195–197.
- Oleynikov, Ilya V., and Vladimir P. Oltarzhevsky. Problema kul'turnoi identichnosti kitaiskoi diaspory v Novoi Zelandii." *Vestnik Irkutskogo universiteta*, Special Issue (2008): 195–197 [In Russian].
- Портяков, В.Я. Конференция в Новой Зеландии по проблемам зарубежных китайцев // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 165–168.
- Portyakov, Vladimir Ya. "Conference in New Zealand on Overseas Chinese." *Far Eastern Affairs*, no. 1 (2010): 165–168 [In Russian].
- Пузыня, Н.Н. Политика «белой Австралии» и японский фактор // Британские доминионы: история и современность. Выпуск 2. Сборник научных статей / под ред. Э.А. Бабаева. Красноярск: КГПУ, 2009. С. 32–54.
- Puzynya, Nikolay N. "Politika «beloi Avstralii» i yaponskii faktor." In *Britanskii dominiony: istoriya i sovremennost'. Vypusk 2. Sbornik nauchnykh statei*, edited by Elchin A. Babaev, 32–54. Krasnoyarsk: KGPU, 2009 [In Russian].
- Савельева, Л.П. Переселенческая колония Новая Зеландия в контексте проблемы диаспоральности. Диаспоры в историческом времени и пространстве: национальная ситуация в Восточной Сибири / под ред. В.И. Дятлова, Л.М. Дамешек, А.А. Маглеева, Б.С. Шостаковича, В.Х. Харнахоева. Иркутск: ИГУ, 1994. С. 66–69.
- Savelieva, Ludmila P. "Pereselencheskaya koloniya Novaya Zelandiya v kontekste problemy diasporal'nosti." In *Diapory v istoricheskom vremeni i prostranstve: natsional'naya situatsiya v Vostochnoi Sibiri*, edited by Viktor I. Dyatlov, Lev M. Dameshek, Alexandr A. Magleev, Boleslav S. Shostakovich, and Viktor Kh. Kharnakhoev, 66–69. Irkutsk: IGU, 1994 [In Russian].
- Сведентов, В.Л. Китайская диаспора в Австралии и Новой Зеландии в контексте взаимоотношений Пекина с Канберрой и Веллингтоном // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 1 (70). С. 74–99. https://doi.org/10.52311/2079-3359-2022_1_74
- Svedentsov, Vladimir L. "Chinese Diasporas in Australia and New Zealand in the Context of Beijing's Relations with Canberra and Wellington." *National Strategy Issues* 1 (2022): 74–99. https://doi.org/10.52311/2079-3359-2022_1_74 [In Russian].
- Стефанчук, Л.Г. Китайцы в Новой Зеландии (первое знакомство и иммиграция) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 98–116.
- Stefanchuk, Ludmila G. "The Chinese in the New Zealand (the First Acquaintance and Immigration)." *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, no. 23 (2014): 98–116 [In Russian].

Шайн, Й., Барт А. Диаспоры и теория международных отношений. Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах. Том 3 / под ред. И.С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. С. 961–995.

Shain, Yossi, and Aharon Barth. "Diasporas and International Relations Theory." In *The Modern Science of International Relations Abroad. The Textbook*, edited by Igor S. Ivanov, 3: 961–995. Moscow: NP RIAC, 2015 [In Russian].

Beattie, James. "Growing Chinese Influence in New Zealand: Chinese Gardens, Identity and Meaning." *New Zealand Journal of Asian Studies* 19, no. 1 (2007): 38–61.

Bernardelli, Harro. "New Zealand and Asiatic Migration." *Population Studies* 6, no. 1 (1952): 39–54.

Bonacich, Edna. "A Theory of Middleman Minorities." *American Sociological Review* 38, no. 5 (1973): 583–594.

Butcher, Andrew. "Demography, Diaspora and Diplomacy: New Zealand's Asian Challenges." *New Zealand Population Review* 36, no. 1 (2010): 137–157.

Fong, Ng Bickleen. *The Chinese in New Zealand: a Study in Assimilation*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1959.

Ip, Manying. "Chinese Immigration to Australia and New Zealand: Government Policies and Race Relations." In *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora*, edited by Tan Chee-Beng. London; New York: Routledge, 2013.

Ip, Manying. "Maori-Chinese Encounters: Indigene-Immigrant Interaction in New Zealand." *Asian Studies Review* 27, no. 2 (2003): 227–252.

Ip, Manying. "Returnees and Transnationals: Evolving Identities of Chinese (PRC) Immigrants in New Zealand." *Journal of Population Studies*, no. 33 (2006): 61–102.

Jacobi, Stephen. "Dancing with the Dragon." *New Zealand International Review* 43, no. 3 (2018): 20–23.

Liu, Liangni S. "New Chinese Immigration to New Zealand: Policies, Immigration Patterns, Mobility and Perception." In *Contemporary Chinese Diasporas*, edited by Min Zhou. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-5595-9>.

Liu, Liangni S., and Xiaolan Wu. "New Chinese Migrants from China to New Zealand: Pathways, Mobility, Multigenerational Families and Policy Implications." In *New Chinese Migration: Mobility, Home and Inspirations*, edited by Koh Sin Yee, and Chan Yuk Wah. London: Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9781315163239>.

McKinnon, John. "New Zealand's China – Past, Present and Future." *New Zealand International Review* 44, no. 2 (2019): 2–6.

Roy, William T. "New Zealand Immigration Policy and External Affairs." *International Migration Review* 1, no. 1 (1966): 33–43.

Scott, John. "Recognising China." In *New Zealand in World Affairs*. Volume 2. 1957–1972, edited by Malcolm McKinnon, Wellington: New Zealand Institute of International Affairs, 1991.

Sedgwick, Charles P. "Persistence, Change and Innovation: the Social Organization of the New Zealand Chinese 1866–1976." *Journal of Comparative Family Studies* 16, no. 2 (1985): 205–229.

Smith, Anthony D. *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. London; New York: Routledge, 2009.

Сведения об авторе

Олейников Илья Васильевич,

к.и.н, доцент, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения
Иркутского государственного университета
664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1;

доцент кафедры международных отношений и таможенного дела
Байкальского государственного университета
664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11

e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025.

Переработана: 20 мая 2025.

Принята к публикации: 9 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Олейников, И.В. «Драконы в стране длинного белого облака»: фактор китайской диаспоры в Новой Зеландии (очерк взаимодействия в мультикультурном обществе) // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 11–29.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-11-29>

“Dragons in the Land of the Long White Cloud”: The Factor of Chinese Diaspora in New Zealand (An Essay on Interaction in a Multicultural Society)

ABSTRACT

The article dwells on the factor of Chinese diaspora in New Zealand. It makes the review of the key Russian and foreign studies on the issue. The article also reflects the historical background of Chinese immigration to New Zealand and specifies the formation of Chinese diaspora. The article highlights tendencies of Chinese activity in New Zealand in the late 20th – early 21st centuries. The peculiarities of embedding Chinese migrants in the multicultural New Zealand's society and the specifics of their interaction with indigenous Maori are shown. The article finds that there is a conflict between the Chinese, acting as an “intermediary minority”, and different parts of the host society. This conflict is caused by both economic differences and the factor of cultural identity. This article examines the debate about Chinese influence, which is an important component of New Zealand's domestic and foreign policy. The debate about Chinese influence through immigrants and the diaspora influences the positions of New Zealand political parties. In their election rhetoric, political forces often resort to populism and play the “China card” using the discourse of Chinese influence on the state's domestic and foreign policy. As a small state, New Zealand is interested in trade and investment preferences in its relations with China, as well as in the formation of security guarantees while maintaining a soft non-aligned status.

KEYWORDS

Chinese immigration, China, New Zealand, Chinese diaspora, New Zealand Chinese

Author

Ilya V. Oleynikov,

PhD (Hist.), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies,
Irkutsk State University

1, Karl Marx street, Irkutsk, Russia, 664003

Associate Professor, Department of International Relations and Customs
Baikal State University

11, Lenin street, Irkutsk, Russia, 664003

e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Additional information

Received: April 15, 2025. Revised: May 20, 2025. Accepted: June 9, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Oleynikov, Ilya V. “Dragons in the Land of the Long White Cloud”: The Factor of Chinese Diaspora in New Zealand (An Essay on Interaction in a Multicultural Society).”

Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 11–29.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-11-29>